

Подарок

«Нет, не задерживай нынче меня, тороплюсь я в дорогу.
...Дар получив дорогой и таким же тебя одаривши.
Молвила и отошла совоокая дева Афина.

Гомер. Одиссея. Песнь первая.

Мы занимались правильным дыханием, когда она свалилась к нам на поляну. Точнее, не свалилась, а неудачно приземлилась — на боку въехала в чашу держи-деревьев. Мы стояли, разинув рты от изумления, и не знали, что делать. Ведь не каждый день с неба падают такие большие предметы, тем более на Пелион¹.

— Ого, — сказал Беллерофонт², самый храбрый из нас, — посмотрите-ка, это небесная колесница, кстати, олимпийская... видите контур горы на боку?

— Ну и что, — возразил ему кто-то, — у титанов тоже гора на гербе.

— У титанов две горы, одна на другой, — Беллерофонт махнул рукой, — у гигантов копьё, у феаков корабль, у куретов плясун с мечом... да нет, это олимпийцы. Только кто? Что-то я цвета не узнаю.

— Плохо, — пророкотал сверху голос. Это на большом черном коне подъехал учитель. — Плохо! Кто мне скажет, кому принадлежит эта цветовая гамма? Голубой, синий, золотой и черный? Ну?

Все молчали. Я увидел, что учитель хмурится, и решил высказать свое мнение:

— Синичкам, учитель.

Поляна огласилась хохотом. Я расстроился. Они всегда смеются над моими словами. Что я не так сказал? Учитель наклонился с коня и погладил меня по голове.

— Правильно, — сказал он, — эти птицы действительно такие. Но... Тиресий³, чем птица отличается от небесной колесницы?

— Птица маленькая, а колесница большая. Правильно?

Он не успел мне ответить. Колесница заговорила. Динамики хрипели и фонили, но мы все же разобрали:

— У меня авария, я не справилась с управлением. Разреши мне войти, Хирон⁴.

— Приятно, что помнишь о догворе, — учитель нахмурился, — заходи.

Матовый колпак бесшумно откинулся, и на ярко-голубой борт неловко вывалилась фигура в криво сидящем на голове шлеме. Мгновение задержавшись наверху, она как-то боком съехала вниз, прямо в заросли зеленых колючек. У учителя по лицу скользнула мимолетная улыбка. Все потом говорили, что я, как всегда, что-то напутал. Но я же видел! А раз он улыбался, то заулыбался и я. Широко и счастливо.

— Помогите нашей гостье, — голос учителя звучал странно, словно он в чем-то сомневался.

Было видно, как наши неловко переминаются с ноги на ногу и не торопятся выполнить приказ учителя.

— Не надо мне помогать, — она встала сама, — а то ваше гостеприимство поперек горла встанет. А что, невежливость в ходу на Пелионе?

Учитель нахмурился.

— Прекрати свои провокации, — сказал он, — ты же понимаешь, что они смущены и испуганы.

Она подошла к нам и сняла шлем. Стоявший рядом Беллерофонт отшатнулся и побледнел. Мне стало интересно, я протолкался вперед и встал перед ней. Она была красивая, с синими глазами, внутри которых как будто были звездочки. Как в сапфирах. Вообще-то я не знаю, что такое сапфиры, и не знаю, какие они, но

мне про них рассказывал Ферекл⁵. А он говорил, что сапфиры синие и в них есть звездочки. Еще у них внутри огонь, а снаружи они холодные. Как у нее. Я улыбнулся ей и попытался приотронуться пальцем к ее глазу. Предостерегающе вскрикнул учитель, а она перехватила мою руку и, отведя в сторону, сказала:

— Тише, ребенок, не надо мне выковыривать глаза.

Учитель был уже рядом.

— Я уже забыл, какая ты, — он внимательно посмотрел на ссадину у нее на лбу. — У вас травмоопасные шлемы... Возвращайтесь все к своим занятиям. Тиресий, ступай мыть посуду. А ты, госпожа моя, иди со мной.

Он взял ее под руку и увел в центральную пещеру, там был его дом.

— Идем, Тиресий, — меня обнял за плечи Тезей⁶, — я сегодня повар и дам тебе вкусных пирожков. А потом ты будешь мыть посуду.

Мы пошли на кухню. По пути нас догнал Беллерофонт.

— Ты видел? — спросил он Тезея. — Как она себя ведет!

Он тяжело дышал и говорил сквозь зубы.

— Нас не касается, — Тезей похлопал его по плечу, — успокойся. Было бы хуже, если бы сюда свалился Аполлон. Она здесь надолго, так что привыкай...

Тезей оказался прав, она задержалась надолго. Часами она сидела над раскрытым двигателем небесной колесницы или копалась в пульте управления. Я часто видел ее, когда подметал или пропалывал клумбы. Однажды, я как раз чистил очаг, она вошла в пещеру и, не обращая на меня внимания, направилась в дальний угол. Там у учителя стояли четыре ящика с кнопками и стеклышками, за которыми дрожали стрелки. Она сдернула с них бараньи шкуры и провела пальцами по кнопкам.

— Что ты делаешь? — за спиной у нее появился учитель.

— Это же генераторы Крона! — она повернулась к нему. — Дай мне один!

Учитель рассмеялся.

— Олимпийцы, как всегда, скромны и деликатны... Вот подайте ей генератор Крона и все тут!

— Я без него не почию, — она надулась, — и потом, что за жадность? Во времена титаномахии⁸ ты нам их дал.

Титаномахия... когда учитель нам об этом рассказывает, то всегда сердится и говорит, что это было «форменное безобразия».

— Давно хотел спросить... как там Гея⁹?

— Гея превратилась в пчелиную матку, — она поморщилась. — Боже, какой там запах! В последний раз нашего пребывания там можно было находиться только в респираторах. И она продолжает рожать монстров... А помнишь Морфея¹⁰?

— Это милый, изящный юноша, который никак не мог выучить английский?

— Милый юноша сильно изменился, Хирон. У него весь лоб покрылся красными мясистыми наростами, которые все время сочатся липкой дрянью...

— Он тоже был в эпицентре?

— Да, только в химическом.

Учитель вздохнул и тихо произнес:

— А Харикло¹¹ совсем стала лошадью... то есть это самое приемлемое слово к тому, чем она стала. Так что я сейчас без жены. Вы сами там как?

— Все так же, — она забарабанила пальцами по ящику, — хотя у нас есть успехи: мы научились управлять своими искажениями. Правда, для этого приходится прятаться — я двадцать лет просидела в камере...

— «Голова Зевса»¹², — учитель тер ребил бороду, — а куда ж тебя еще? С твоими глазами? С гамма-излучением из этих глаз? Ох, дорогая моя...

— Аполлон опять заперся в лаборатории, — она сплела пальцы рук, — в очередной раз изучает наше семейство. Наше первое поколение имеет много искажений и почти не умеет ими управлять. Мы, вторые, много имеем, но и умеем. Наши дети друг от друга однофункциональны и капризны, внуки вообще никакие. Вот он и пытается понять, почему такое сни-

жение патологии из поколения в поколение... Кстати, у вас тоже. Инцест, психические расстройства, монстрообразование... Возможностей к преобразованию, правда, мало... — Тут она посмотрела на меня и добавила: — Тиресий, например, малоумен и... Хирон, как это могло случиться? Ты и олигофрения несовместимы.

— Замолчи, — учитель взялся за один из ящиков, — даю тебе генератор, самый старый и полуразряженный. Его сильно повредил твой отец еще тогда... Сумеешь починить — работай, нет — уйдешь отсюда пешком.

Они вышли на улицу. Я закончил уборку и пошел к небесной колеснице. Наша гостя сидела над развороченным генератором и что-то паяла. Я тронул ее за плечо. Она резко развернулась. Глаза у нее горели.

— А, это ты, ребенок, — она улыбнулась, — что тебе надо?

— А правда, госпожа, про тебя говорят, что ты родилась из головы Зевса?

— А ты как думаешь?

— Думаю, врут. Как ты, такая большая, могла поместиться в его голове?

— Это метафора, малыш. Понимаешь? Ме-та-фо-ра. Слышал выражение — утонуть в ложке воды?

— Невозможно, — я был счастлив, что спорю с ней на равных, — ложка тоже маленькая. В море можно утонуть, а в ложке нельзя... Враки это.

— О-хо-хо, бедный Хирон, — она отложила паяльник, — ты прав, малыш, все врут. Про меня вообще много врут... Ты знаешь, кто твой отец?

— Не-а. Меня принес сюда ветер, и я всегда здесь живу.

— Ветер, м-м-м... — она погладила меня по голове. Почему меня все гладят по голове? — На, дружок, возьми, это финики. А теперь ступай, мне надо работать.

И я пошел на стадион. У ямы для прыжков ко мне подошел Беллерофонт.

— Ну что, поговорил с ней? — он выглядел сердитым. — Тоже язвила? Хамка!

— Фиников дала, — я показал ему

пакетик, — и не хамка она, а вежливая — я ей утром и вечером приношу молоко, и она мне говорит «спасибо».

Беллерофонт поперхнулся, съел у меня один финик и ушел. Я пробыл на стадионе до вечера, ел финики. А когда они кончились, пошел домой. Путь мой пролегал по верхней тропе, через смотровую площадку. За поворотом я остановился — на площадке были Беллерофонт и она. Беллерофонт держал ее за плечи и сильно тряс. Она смотрела ему в лицо так, как будто хотела запомнить. Учитель всегда так делает, если ему что-то интересно. Он и меня пытался научить, но у меня не получается. Тут глаза ее вспыхнули, у Беллерофонта пошла носом кровь, и он упал к ее ногам. Мне стало страшно, и я заплакал.

— Не реви, — сказала она, вытирая мне нос платком, — ничего не случилось... иди, мальчик, иди!

Послышались грузные шаги, и на площадку выбежал учитель.

— Что ты наделала! — он опустил ся на колени рядом с Беллерофонтом. — Бедный ребенок! Ты уйдешь отсюда сегодня же...

— Бедный ребенок? — в голосе ее закипал гнев. — Этот ребенок прибежал сюда, когда я созерцала закат, невнятно выкрикнул мне в лицо, что он поднимется на небеса, а потом стал трясти меня так, что у меня чуть голова не отвалилась! Синяков насажал...

Беллерофонт глубоко вздохнул и зашевелился.

— Вот видишь, — она села на камень, — живой и здоровый. Отделается небольшим головокружением и слабостью на два дня... Уже не раз так было — проверено.

Учитель быстро глянул на нее и улыбнулся.

— Великолепная самоуверенность, — он взял Беллерофонта на руки, — Тиресий, перестань плакать и дай руку госпоже. Ты же не побрезгуешь, — обратился он к ней, — взять малоумного за руку?

Она покраснела, и я почувствовал ее крепкую, теплую ладонь. Мы медленно пошли вниз.

— А что, — осторожно спросила

она после некоторого молчания, — ты не пытался его лечить?

— Пытался, — учитель отвечал, не поворачиваясь.

— А у него есть что-нибудь взамен? От природы...

— Нет.

Мы опять пошли молча. Беллерофонт пришел в себя и над плечом учителя скорчил смешную рожицу. Я засмеялся. Здорово он все-таки рожи строит! Я особенно люблю, когда он дикую козу показывает. Это очень забавно, и я всегда смеюсь, даже на землю падаю... Мы были уже внизу, около пещеры. У самого входа учитель повернулся и спросил:

— Как движется ремонт?

— Плохо, — она опять покраснела, — а что?

— Я думаю, ты его не починишь, — учитель нежно похлопал ее по руке, — твой отец постарался сломать... Впрочем, все равно — ты сегодня уходишь... пешком. Ясно?

Глаза у нее стали яркими¹³, как фонарики.

— Тебе ясно? — уточнил учитель.

— Ясно, — она отвернулась.

Никуда она не ушла. И генератор починила. Однажды ночью мы проснулись от воя и яркого света. Я выбежал вместе со всеми на поляну. Небесная колесница горела яркими огнями и оглушительно редела. Наша гостя плясала вокруг развороченного ящика и что-то кричала.

— С ума сойти! — учитель тер глаза. — Починила! Генератор Крона! Ох...

Все стояли с круглыми глазами, а я стал приплясывать — должна же у нее быть компания!

— Ты видишь?! Ты видишь?! — закричала она, подходя к нам. — Я починила! Никто не верил... даже ты.

Учитель смотрел на нее и дергал себя за бороду.

— Ты видела наши пойменные луга? — вдруг спросил он. — Собирайся, я тебе покажу. Только выключи свой драндулет!

Она пошла к колеснице, а я начал упрашивать его, чтобы они взяли меня с собой.

— Уже глубокая ночь, тебе надо спать.

— Да-а, а госпожу ты туда повезешь!

— Госпожа взрослая, ей можно не

спать ночью... — внезапно он обнял меня за плечи и спросил: — Как она тебе?

— Хорошая, — я не терял надежду, что меня возьмут на луга, — она игра-

ла со мной в солдатики, и я ее обыграл четыре раза.

— Солдатики? — учитель тихо засмеялся. — Да, она любит играть в солдатики... Она скоро улетит, Тиресий.

— Я подарю ей свою лучшую фигурку, и она останется.

Тут небесная колесница выключилась, сразу стало темно и тихо. Она подошла к нам и, улыбаясь, спросила:

— Луга не отменяются?

Глаза ее сияли нежным голубым светом.

— Что такое генератор? — спросил я.

— А что такое Тиресий?

— Тиресий — это я, — я удивился, что ей это неизвестно.

— А это — генератор, — она показала на ящик.

Умеет же она просто объяснить непонятное! Она сунула мне кулек со спелыми маслинами:

— На, ребенок, и иди спать!

Я обиделся, но маслины были вкусные, и я их взял. Потом, уже на своем ложе, я ел их и думал: что они хотят увидеть на лугах ночью? Ничего же не видно... Правда, там цикады красиво поют, но их можно слушать и здесь, на поляне. Я доел маслины и уснул.

Утром я увидел ее, как всегда, с пальником в руках над раскрытым двигателем небесной колесницы. Генератор бесшумно светился, внутри колесницы что-то трещало. Я хотел пойти к ней, но учитель отослал меня сжигать мусор, а потом мы чинили беговую дорожку, и я уехал с Тезеем и Фереклом на базар.

Дни шли за днями. Все отправились в горы — тренироваться в горных переходах. Я не пошел, то есть меня не взяли, потому что я полный и у меня слабые ноги. Я взял удочку и пошел на речку. Там есть одно место, мне его показал Беллерофонт, оно тайное, и там всегда клюет. Я почти дошел, когда услышал голоса. Я подошел и спрятался в кустах. В запруде купались учитель и госпожа. Они ныряли, брызгались и громко смеялись. Я заволновался — так они распугают

моих жирных рыб! Учитель подплыл к ней и поцеловал ее в обнаженное плечо.

— Каково возводить дочь врага на свое ложе? — она тихо тронула серьгу в ухе учителя. — Что ты чувствуешь? Злорадство? Чувство своей значимости? Утоленную месть? Или тебе просто хорошо?

— Всего понемногу, — учитель провел пальцем по ее бровям, — какие у тебя глаза... Ты все-таки хочешь уйти?

— Я не могу здесь остаться, я не для этого места, — она стала грустной, — лучше ты иди со мной!

— Не смогу там жить, — учитель хлопал ладонью по воде, — Олимп... все выспренно, интриги, живого места нет...

Они замолчали и стали кидать камни в воду. Я чуть не умер от этого — прощай, моя рыбалка!

— Послушай, светлоокая, у меня к тебе будет просьба.

— Внимательно слушаю.

— Ну-ну, ты же не в приемной... — учитель тяжело вздохнул, — ты знаешь, я не вечен. И многим — кость в горле. Все идет к тому, что меня не будет. А у меня ученики...

Он положил голову ей на колени и продолжил:

— Я уйду, а они останутся... одни... без совета и помощи. Я не стал бы беспокоиться, будь они обычными людьми. Но они — потомки искаженных. В какой-то степени, разумеется... Оказывай им покровительство, ладно?

— А почему я?

— Все, в чем не могут разобраться твои родственники, в итоге передают тебе. Помогай героям, ясноглазая.

— Вот как! Ты учишь их морали титанов, а задания, наказания и награды раздаем мы... Если хочешь, чтобы я им помогала, научи их соблюдать наши законы!

Глаза ее вспыхнули, вода забулькала и выбросила фонтанчик пара. На поверхность кверху брюхом всплыло несколько рыб. У меня упало сердце: что за ловля с вареными рыбами?

— Не хмурься, Хирон, — она по-

гладила его по голове, — конечно же, я буду им помогать.... Даже Тиресию. Особенно ему... Я сделаю из него героя, которому не будет равных!

— Тиресий не герой, он просто больной мальчик¹⁴. Не трогай его...

Тут я вышел из кустов и сказал:

— Слушайте, раз вы испортили мою рыбалку, то можно я здесь искупаюсь?

— Не трогай его! — учитель повалил ее на землю и закрыл ей глаза рукой, — пожалуйста, не надо! Он ничего не понял, он — глупый мальчик! Тиресий, иди прочь! Ступай!

Я испугался, сел на землю и заплакал.

— Отпусти меня! — голос у нее был сердитый. — И не кричи, ты его пугаешь. И вообще... я ничего не вижу.

— Вот и умница! — учитель тащил ее прочь, прямо по колючкам. — Люблю тебя за это!

— Подождите, — окликнул их я, — вы одежду забыли!

Мне никто не ответил — они уже ушли. Я еще поплакал и пошел купаться.

Через несколько дней ко мне подошел Беллерофонт и сказал:

— Слышал? Она уезжает.

Я заволновался.

— Как уезжает? А я?

У Беллерофонта глаза стали круглыми.

— Вы все поехали... Ферекл ночами не спит — грезит, Тезей собрался к ней на службу, и ты еще!

— Я хочу играть с ней в солдатики, — упрямо сказал я, — и она со мной разговаривает. Всегда.

— Бедный Тиресий, — Беллерофонт положил мне руку на плечо, — плохо без мамы... Ладно, иди, тебя ищет учитель. Она, видите ли, хочет с тобой попрощаться...

Я недослушал его — побежал к себе за своей лучшей фигуркой. Достал ее из тайника и бросился к большой поляне.

— Тиресий!

Я оглянулась. Она стояла на тропинке, и глаза ее тихо мерцали.

— Вот ты где, — она зачем-то оглянулась, — а я тебя ищу... Если хочешь

со мной попрощаться, то иди сюда.

Я подбежал и ухватился за ее широкий пояс. Она улыбнулась и положила мне ладонь на затылок.

— Не улетай, — я протянул ей солдатыка, — это тебе... не улетай!

— Нет, мой мальчик, не удерживай меня, я тороплюсь... Послушай, Тиресий... ты навел меня на мысль тогда, у запыры, — она тяжело вздохнула, — твой отец не вечен, твои друзья забудут о тебе... А я? Я улечу...

Она взяла мое лицо в ладони и заговорила, как учитель, когда он в чем-то сомневается:

— Надо взять много, чтобы дать еще больше! Простишь ли меня? Никто не вспомнит, что ты сын великого Хирона... Пусть считают тебя жертвой моего гнева, этого они не забудут! Про меня все равно много врут... А ты им будешь нужен... Всем! — глаза ее влажно блестели. — Посмотри мне в глаза, ребенок, не бойся...

Я послушался. Руки ее стали как железные, я и головой двинуть не мог, а глаза разгорелись синим цветом так, что больно было смотреть.

— Не бойся, — повторила она, — это не больно... будет немного саднить, но это быстро пройдет. Тошнота — десять дней, головокружение — месяц. Не бойся. Сейчас будет горячо...

Глаза ее вспыхнули. Моим глазам стало горячо, потом что-то зашипело, и я перестал видеть. Через какое-то время все проступило цветными расплывчатыми пятнами. Я хотел заплакать, но не заплакал, потому что вдруг понял: это бессмысленно. То есть не понял, а как-то знал это... И сразу же осознал, кто она и что она сейчас искренне плачет... Чувствовал каждую слезинку, которая падала из ее синих глаз... Мне было ясно, что дни Беллерофонта сочтены, что Тезей будет великим, но поссорится с теми, кто живет под землей, что после смерти Ферекла падет Троя... И еще я понял, кто мой отец и какова его судьба. Я поднял руку, ощупал ее лицо, вытер слезы. Меня тошнило, голова кружилась, глазницы сильно саднили. Что-то укололо меня в руку.

— Это сильное обезболивающее, — ее голос звучал виновато, — я оставлю тебе упаковку. Все, мой мальчик, мне пора. И запомни: у тебя на меня прав больше, чем у моего отца. Если захочешь воспользоваться ими, то позови меня, теперь ты это можешь...

Она поцеловала меня в лоб, в щеки, в запекшиеся глазницы, потом повязала мне глаза лентой и ушла. Откуда-то я знал, что лента шелковая и цвет ее голубой. А вот что такое шелк, мне было не понятно... Я нашел дорогу, которая вела к большой поляне и медленно пошел по ней. Что-то подсказывало мне — торопиться не следует. Поэтому, когда я пришел на поляну, небесная колесница уже растворилась в раскаленном добела небе.

— Ну вот, — услышал я голос учителя, — она улетела, но прежде дала мне слово, что будет покровительствовать вам...

— Будет, — подтвердил я, стоя сзади него, — только не надо с ней спорить.

Все посмотрели на меня с удивлением, я почувствовал это... И тут учитель закричал. В его крике были боль и гнев:

— Я просил тебя! Я же просил — не трога-а-а-й его!

Став рядом со мной на колени, он нежно касался пальцами моего лица и

что-то бормотал. И я... я знал, что только два человека плачут обо мне искренне — на земле и в небесах...

Примечания:

1. *Пелион* — область и гора в Фессалии, где находились дом кентавра Хирона и школа для героев.

2. *Беллерофонт* — герой, победивший Химеру, оседлавший Пегаса и дерзнувший подняться на нем в небеса.

3. *Тиресий* — герой ифиванского цикла, самый известный в Греции прорицатель, потерявший зрение, после того как увидел Афину Палладу обнаженной.

4. *Хирон* — мудрый кентавр, учитель героев, сводный брат Зевса по отцу.

5. *Ферекл* — герой троянского цикла, один из создателей троянского флота.

6. *Тезей* — герой афинского цикла, победитель Минотавра, основатель афинской государственности.

7. *Крон* — великий титан, бог времени, отец Зевса и Хирона.

8. *Титаномахия* — битва богов с титанами.

9. Гея — земля, жена Урана, мать всего сущего.

10. *Морфей* — бог приятных сновидений.

11. *Харикло* — титанида, жена Хирона.

12. Отголосок мифа о рождении Афины из головы Зевса.

13. Один из фетишей Афины — ярко горящие глаза.

14. Тиресий описан как малоумный (олигофрен) на уровне слабовыраженной дебильности.

ОБ АВТОРЕ:

БЛИНЧИК Евгения Леонидовна родилась в 1970 г. в Мурманской области, долгое время жила в Архангельской области. В 1983 г. вместе с родителями переехала в Крым на постоянное место жительства. Проживает в Симферополе, около 12 лет работает врачом-психиатром в психиатрической клинике №1, последние 4 года - в качестве заведующей детским психиатрическим отделением. Увлечена античной мифологией, участвовала в раскопках, занимаюсь реконструкцией античного доспеха, фехтованием копьем.

Публиковалась в журнале «Порог», фантастических сборниках, в том числе сб. «Слепой василиск» в серии «Перекресток».